

Ежи Войцех Борейша

Итальянский фашизм, нацизм и сталинизм. Три тоталитаризма из перспективы XXI века

Первая мировая война стала огромной цезурой в истории прежде всего Европы, но и мира в целом. Сегодня мы зачастую недооцениваем значение этой цезуры. Вторая война и злодеяния следующей половины столетия, наступившей после 1945 г., заслонили от нас действительность 1914-1918 гг.

На пороге XX века представители тогдашних политических элит уже ясно видели на горизонте угрозы, которые могла принести тотальная, мировая война. Здесь достаточно вспомнить варшавского финансиста, экономиста и политического визионера Яна Готтлиба Блоха (1836-1902). Его фундаментальный труд «Будущая война», переведенный на главные европейские языки, предсказывает уничтожение человечества в случае, если дело дойдет до глобальных военных конфликтов с применением современных технологий. Надежду на то, что такой войны удастся избежать, похоронил 1914 год. А вместе с ним пришли десятилетия дискредитации не только деспотических монархий (Россия), но и демократических устройств и институтов в Европе.

До полного уничтожения не дошло. Над Европой и миром повис мораторий, продолжающийся до сих пор. Из глубокого обморока «большой войны белых людей» выделились параллельные массовые экстремистские движения и левые и правые партии. А позже в течение пятнадцати лет, с ноября 1917 по январь 1933 г., – три тоталитарных государства: советская Россия, фашистская Италия и Третий Рейх.

Третий Рейх существовал 12 лет. Итальянский фашизм как государственная система, охватившая всю страну, продолжался 21 год, а если включить сюда еще и период республики Сало, то 23 года. Историк объясняет ее из перспективы 60 лет. Я использую любимое определение Бенедетто Кроче «объяснить», а не «осуждать», к которому столько раз прибегал Ренцо Де Феличе.

Советская Россия и СССР просуществовали 74 года. Мы пишем о них спустя полтора десятка лет. Это наверняка не *long-term perspective*. А как квалифицировать казус авторитарной Испании Франко? Ее история уместается в 36 лет. Действительно ли столь ценный национальный общественный консенсус, достигнутый после смерти Франко, помогает историкам тридцать лет спустя глубоко исследовать завершившуюся диктатуру? Смею сомневаться. Это ли уже *long-term perspective*?

Тоталитаризм – общий знаменатель

Демократический, либеральный, социалистический и коммунистический воинствующий антифашизм первого периода после 1945 г., затемняющий исследования историков, вместе с отдалением времени исторических фашизмов ушел, как представляется, безвозвратно, в прошлое. Без сомнения, антифашизм перестал быть движущей силой московской пропаганды. Это произошло еще до распада СССР. Его чисто инструментальное использование стало очевидным после 1956 года даже для многих ослепленных коммунистов – членов движения сопротивления. О том, какими сложными оказываются по прошествии лет нравственные счета с прошлым бывших членов европейских движений сопротивления разного политического толка, может свидетельствовать хотя бы недавно изданная прекрасная книга Клаудио Павоне¹. Пропагандистский анти-

¹ C. Pavone, *Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza*, Bollati Boringhieri, Torino 2000. Ср. также: E. Collotti, *Fascismo e antifascismo. Rimozioni, revisioni, negazioni*, Laterza, Roma-Bari 2000. Из более ранних: Hans Woller, *Die Abrechnung mit dem Faschismus in Italien, 1943 bis 1948*, Oldenbourg, München 1996.

фашизм первого послевоенного периода закончился. Но без воссоздания образа и изучения этого явления таким, каким оно было в 1945-1956 гг., невозможно будет понять веру в то, что – так часто бесосновательно из нашей сегодняшней перспективы – для многих людей символизировало СССР Сталина. Сегодня расшифровку прошлого нисколько не облегчает созвучность лозунгов тех, кто в современной России выступает под именем коммунистов и националистов (а последние своими политическими противниками многократно назывались просто фашистами).

Сегодняшний воинствующий антикоммунизм как на территории бывшего советского блока, так и в Западной Европе содержит столько черт пропаганды, расчета и желания откупиться от собственного прошлого, что даже произведения таких наиболее заслуженных личностей, немало сделавших для демократического преобразования нашего мира, как, например, соавтора «перестройки» и «гласности» А. Н. Яковлева, требуют от ученого очень критического анализа². Ни Яковлев, ни мы, историки, в случае с советским блоком не имеем еще *long-term perspective*. Как будущие поколения историков оценят, например, возврат и углубление бедности и нищеты отдельных социальных слоев, которые произошли после падения тоталитарных и авторитарных систем, управляемых из Москвы? Как явления, виной которым были свергнутые тоталитаризмы?

Двадцатый век можно будет оценить лишь из более отдаленной перспективы. Сегодня часто говорится, что падение Берлинской стены и новое объединение Германии, распад Советского Союза и свержение тоталитарных и авторитарных систем в зависимых от Москвы странах-сателлитах определяют границы нашего века. Его называют коротким столетием 1914-1989/91 гг. Но это типично европейская точка зрения. Легализирует ли эту цезуру глобальный взгляд из Америки, Азии и Африки, подтвердят ли ее социально-экономические

² Яковлев А. Н. *Омут памяти*. – Москва: Вагриус, 2000.

надежды нового мира, определяют ли ее в конечном счете ясные границы технологической революции?

Нашу европейскую точку зрения на короткий двадцатый век детерминируют изменения, связанные с первой мировой войной, и распад тоталитарных систем. Вначале речь шла об эпохе фашизмов в 1919-1945 гг., потом о *der europäische Bürgerkrieg 1917-1945* (Эрнст Нольте), сегодня встречаются определения «времена тоталитаризмов 1917-1989 гг.», но даже в европейском аспекте вторую половину двадцатого века, однако, определяет постепенный, растущий перевес демократических государств над советским блоком, проблемы демократии, благосостояния, технологической революции. Драматическое изменение политической ситуации нашего мира в 1990-е гг. вынудило к новому осмыслению падших тоталитаризмов, тоталитарных режимов, господствующих за пределами Европы, опасностей, которые могут нести рождающиеся новые тоталитаризмы, а также того, связано ли массовое уничтожение людей и вообще угроза жизни на нашей планете лишь с тоталитарными системами³. Короче говоря: действительно ли самое плохое уже позади?

Как и многие другие, я вижу целесообразность использования общего тоталитарного знаменателя для исследователя итальянского фашизма, национал-социализма и сталинизма. Такой знаменатель полезен для историков, политологов, социологов и юристов. Однако я сторонник ограничения и дифференциации в его рамках. Большевиков и часть итальянских фашистов объединяли некоторые лозунги и общественные концепции, почерпнутые из социализма XIX века, а иногда даже личное знакомство до 1914 г., по Второму Интернационалу. Этого нельзя сказать о «национальных социали-

³ Из публикаций последнего десятилетия в этой области см., в частности: K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.), *Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*, Droste Verlag, Bonn 1993; E. Jesse (Hrsg.), *Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung*, Nomos, Bonn 1996; E. Gentile, *Fascismo. Storia e interpretazione*, Laterza, Roma-Bari 2002; B. Bruneteau, *Les Totalitarismes*, Armand Collin, Paris 1999; Ch. Dipper, R. Hudemann, J. Petersen (Hrsg.), *Faschismus und Faschismen im Vergleich. Wolfgang Schieder zum 60. Geburtstag*, SH-Verlag, Köln 1998.

стах» Гитлера. Все три тоталитаризма имели схожие системы пропаганды. Усилением же террора и геноцида, системой лагерей и методами массового насильственного истребления людей Третий Рейх и сталинский СССР явно отличались от муссолиниевской Италии. Аналогии в области террора возможны скорее между Италией Муссолини и СССР времен Брежнева, а не Сталина. Считаю, что наши знания о советском тоталитаризме наиболее обширны в аспекте его преступлений, но совершенно недостаточны и фрагментарны там, где мы затрагиваем проблемы коллективного увлечения системой⁴ и ее массовой поддержки, а также форм и широты сопротивления ей (намного большего в СССР, чем в Третьем Рейхе или в Италии Муссолини).

Воспроизводя прошлое европейских тоталитаризмов, зачастую обходят стороной проблему их одобрения и даже поддержки выдающимися политиками демократического Запада. Достаточно одного напоминания: Уинстон Черчилль, долгое время афишировавший свои симпатии к Муссолини. Сразу же после первой встречи с дуче в начале 1927 г. он, как известно, заявил представителям фашистской прессы в Риме: «если бы я был итальянцем, я был бы всем сердцем с вами...». Вторая мировая война заслонила воздействие итальянского фашизма на умы в межвоенный период. Утопия согласия между работодателями и работниками и гармоничное, как вначале могло казаться после Латеранских пактов, взаимодействие радикальных правых с иерархами католической Церкви имели большую пропагандистскую силу в Европе и Латинской Америке.

Притягательное воздействие милитаризма, национализма и расизма Третьего Рейха было куда более ограниченным. Но

⁴ О увлечении идеологией и государством Ленина и Сталина существуют тысячи репортажей, воспоминаний, дневников граждан СССР и иностранцев, написанных также после распада империи. Однако нет научных монографий, синтезирующих это явление. В случае национал-социализма можно в качестве примера указать хотя бы такие работы: P. Reichel, *Der schöne Schein des Dritten Reichs*, Carl Hanser Verlag, München Wien 1991; он же, *Politik mit der Erinnerung*, Carl Hanser Verlag, München Wien 1995.

англичане и французы смотрели на Гитлера не как на «исторический несчастный случай» в истории Германии, но как на продолжение традиции немецкого милитаризма, продолжение *Drang nach Osten*. Поэтому в Лондоне и Париже довольно распространены были заблуждения, что ценой разнообразных уступок удастся подтолкнуть Гитлера лишь в одном направлении – на Восток.

Советский период не был лишь «уродливыми скобками» в истории России и мира, как это представляют некоторые авторы «Черной книги коммунизма»⁵. Мир неоднократно сотрудничал с СССР и зачастую одобрял СССР; мир – это не только подверженные многим иллюзиям левые, но и правые правительства. Октябрьская революция не была случайным путем, проведенным большевистской группой заговорщиков, как это представляют некоторые историки.

Модные ныне теории о прерывании российской нормальности и начинавшейся новой эпохи благосостояния и значительного цивилизационного прогресса под скипетром Романовых случайным путем и системой, полностью навязанной многомиллионному населению, в то же время оправдывают миллионы активных строителей системы. Они освобождают сотни тысяч правящих сегодня в иных одеждах и цветах представителей советской номенклатуры от ответственности за нищету, пропаганду, террор и массовый геноцид.

Российская Федерация как преемница СССР не может оторваться от своего прошлого. Наблюдается явная преемственность как в системе, так и в правящих элитах. Но в аспекте традиции обнаруживается преемственность не только по отношению к СССР, но и к России Романовых. Мы наблюдаем постоянные системные и социальные мутации в посттотали-

⁵ S. Courtois и др., *Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression*, Robert Laffont, Paris 1997; H. Möller (Hrsg.), *Der rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das "Schwarzbuch des Kommunismus"*, Piper, München, Zürich 1999; M. Dreyfus и др., *Le siècle des communismes*, Editions ouvrières, Paris 2000; M. Lazar, *Le communisme une passion française*, Perrin, Mesnil-sur-l'Estrée 2002; S. Courtois (Hrsg.), *Du passé faisons table rase! Histoire et mémoire du communisme en Europe*, Robert Laffont, Paris 2002.

тарных государствах, возникших на развалинах СССР, которые сегодня ничуть еще не стали государствами демократическими. Некоторые из них (балтийские государства) внедряют демократические механизмы, близкие к тем, которые призваны укрепить демократию в Польше. Другие (Средняя Азия) не вышли даже еще на путь демократизации, и трудно предвидеть направление их дальнейшего развития. Там рождаются новые формы азиатских деспотий. Поэтому перед международными и национальными судами более полувека представляли преступники Третьего Рейха и в некоторой степени фашистской Италии⁶, но подобные счета не были сведены после распада СССР. Этим занимались писатели и историки бывшего СССР, но не суды Российской Федерации⁷.

Теория случая или исторических скобок применялась и при описании истории других тоталитаризмов: были попытки доказать, что Гитлер и НСДАП действовали вопреки воле большинства народа и вне его традиций; некоторые авторы писали, что фашистский режим Муссолини был лишь скобками в истории Италии, в которой после его поражения вдруг обнаружилось двадцать миллионов антифашистов, а жестокости Анте Павелича представляли собой исключение в истории Хорватии. Югославские войны 1991-1999 гг. в очередной раз послужили отрицанием этого⁸. Это повторяющиеся ошибки либеральных историков, защищающих «рядового маленького человека», «хорошие» или «здоровые» народные массы и возлагающих всю вину на отдельные личности и груп-

⁶ О последних ср., напр.: R. Palmer Domenico, *Italian fascist on Trial*, The University of North Carolina Press, 1991.

⁷ Ср., напр.: *Тоталитаризм в Европе XX века* / Ред. Я. Драбкин, Н. Комолова. – Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва, 1996. В этом труде содержится одна из самых серьезных русскоязычных попыток сравнительного анализа гитлеризма, итальянского фашизма и сталинского СССР. Русская литература, выносящая осудительный приговор недавнему прошлому, известна за пределами бывшего СССР лишь отрывочно. К важнейшим публикациям в этой области я отношу книгу заведующего русскими архивами в 1991-1996 гг. Р. Г. Пихоя «*Советский Союз: история власти 1945-1991 гг.*» (Новосибирск, 2000).

⁸ J. Pirjevec, *Le guerre jugoslave 1991-1999*, Einaudi, Torino 2002.

пы. Такая установка ведет к расхождению с исторической правдой.

Спор о совокупном или раздельном рассмотрении итальянского фашизма, нацизма и коммунизма–большевизма–сталинизма насчитывает уже свыше семидесяти лет. В него вписаны имена известнейших философов, политиков, писателей, историков. Здесь можно назвать целую плеяду таких людей, как Анжело Таска, Игнацио Силоне, Герман Раушнинг, Карл Каутский, Эли Халеви, Франц Боркенау, Франц Нойман, Ханна Арендт, Карл Фридрих, Эрнст Нольте, Франсуа Фюре или Лешек Колаковски. По причине языкового барьера неизвестным осталось в Европе неизмеримо значительное и новаторское наследие польской советологии 1918-1939 гг., которую, в частности, представляют пионерские исследования Марка Корната⁹. После 1945 г. и в Польше забыли об этом наследии.

Из нашей перспективы сравнение и поиск общих черт наиболее обоснованы в случае нацизма и сталинизма. Давайте уточним терминологию. Коммунизм в своих различных вариантах как старая утопия и форма идеологии, преобразующаяся на наших глазах, ничуть не похоронен полностью, как утверждают многие наши современники. Большевизм – непосредственную производную коммунистических идей – можно как понятие связывать с годами Октябрьской революции вплоть до полного утверждения власти Сталина около 1929 г. Не отказывая Ленину в отцовстве в деле введения беспрецедентного в первой четверти XX века террора и не отрицая того, что он произвел упрощение, приспособление и «пригибание» многих формул марксизма к условиям Российской империи, невозможно поставить простой знак равенства между ним и Сталиным. Ленин был несомненно – не только по собственному представлению – учеником и своеобразным продолжателем методов французских якобинцев, а в идеях – социалистов XIX века. У него перед глазами стояли гильотины проиграв-

⁹ M. Kornat, *Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918-1939)*, Księgarnia Akademicka, Kraków 2003.

ших в 1794 г., кровавая расправа войск Тьера с десятками тысяч коммунаров в мае 1871 г., виселица, на которой царь Александр III велел повесить его брата, ленский расстрел рабочих. Опыт русской революции 1905 г. научил Ленина и все поколение старых большевиков, что поражение для них смерти подобно. У истоков террора большевистской партии стояла память о терроре царской России: не только о тысячах казней по приговору именем закона, но и память о жертвах революции 1905 года, об обреченных на голодную смерть десятках тысяч крестьян, о подавлении забастовок, о пренебрежении в империи Романовых жизнью сотен тысяч солдат, гибнувших во время русско-японской войны или на фронтах первой мировой, о тысячах казненных польских повстанцев в 1830 или 1863 гг., расправах с покоренными народами Кавказа и Средней Азии. Политическое мышление большевистской элиты было обременено схемами долгого XIX века – логикой «победа или смерть», «кто не с нами, тот против нас», «если мы не удержим власть, нам отрубят головы». Создатель тоталитарного террора Ленин, подсчитав в январе 1918 г., что советская власть в России продолжается уже на один день дольше, чем Парижская коммуна, от радости танцевал на снегу. Когда шесть лет спустя он умер, его положили в мавзолей на Красной площади, завернув в знамя одного из батальонов парижской национальной гвардии 1871 года.

Поколение Ленина и Троцкого вдохновлялось идеями мировой и перманентной революции, борьбы с национализмами и расизмами, реализации старых социально-эгалитарных лозунгов социализма XIX века. Идея перманентной революции, европейской, мировой вела свое начало от Великой французской революции и Весны народов. Она ничуть не была изобретением Троцкого или Ленина. Они любой ценой стремились удержать власть. Это объединяло их со Сталиным. Но Сталин навязал соратникам идею социализма или коммунизма в отдельно взятой стране, а позднее широко внедрил в жизнь великорусский шовинизм и сделал международное коммунистическое движение орудием на службе советскому государ-

ству, превратил многоступенчатый кровавый террор в главную опору системы.

Террор и полная деструкция значения личности стали осью системы, ее *perpetuum mobile*. Роль идеологии через несколько лет после смерти Ленина была урезана, и она подвергалась дальнейшим упрощениям.

Лео Валиани, долголетний лидер итальянских социалистов, считал, однако, как и многие другие, что фашизм, нацизм и большевизм невозможно ставить на одну доску. Он выступал за выделение сталинизма из большевизма.

Наследие тоталитаризмов

Первые годы XXI века показывают нам, что эпоху «классических тоталитаризмов» можно считать бесповоротно ушедшей, но не закрытой окончательно. После второй мировой войны Алан Балок закончил свою знаменитую книгу «Гитлер. Исследование тирании» словами о том, что, хотя памятников Гитлеру уже нет, вся Европа в определенном смысле является ему монументом. Из временного отдаления протяженностью в 60 лет трудно переоценить значение этого наблюдения. Три тоталитаризма остались ближайшей исторической мерой сравнения не только для Европы.

Оставим уж возвращающиеся символы, портреты, памятники, лозунги, песни, публикации. Парадокс истории состоит в том, что в 2003 г. русские фашисты, использующие данное самоназвание, маршируют с портретами Гитлера¹⁰. Но несравнимо более существенным, чем портреты Гитлера, являются идеи национал-социализма и представления о нем. Последняя волна дискуссий, которые «нормализуют» образ Третьего Рейха, касается судьбы переселенцев и музея переселенцев. Ее затеяли некоторые граждане Федеративной Республики Гер-

¹⁰ Ср.: J.J. Stephan, *The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile. 1925-1945*, N.Y. 1978; *Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм*. – Москва: Терра, 1994; О कोरोков А. В. *Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.)*. – Москва: «Руссаки», 2002.

мании, чьи имена вряд ли войдут в историю, так что не стоит их называть. Уравнивание страданий народов Европы во время второй мировой войны заслоняет тот факт, кто и во имя чего ее развязал. Можно напомнить, что Сталин в 1930-е гг. начал массовые переселения жителей пограничных районов своей империи, которые вызывали у него недоверие перед лицом приближавшейся войны; это касалось, например, поляков и корейцев. Можно привести здесь переселенческие договоры Гитлера с Муссолини (Верхнее Адидже, или Южный Тироль) или того же Гитлера со Сталиным, касающиеся немцев из силой включенных в состав СССР прибалтийских республик. Можно говорить о массовых выселениях латышей, эстонцев и литовцев вглубь СССР накануне 1941 г. Это не преуменьшает центрального явления: Гитлер стал главным катализатором массовой миграции народов и переселений в Европе. Без войны, развязанной Третьим Рейхом, никто бы не принуждал миллионы поляков и немцев к тому, чтобы они оставили родную землю. Спустя шестьдесят с лишним лет после окончания второй мировой войны трудно, однако, поставить знак равенства между деятельностью Гитлера и Сталина в 1941-1945 гг.

С расстояния шестидесяти лет, из перспективы двадцать первого века трудно не заметить, что сталинизм и нацизм оставили огромное клеймо не только на истории европейского континента, но и всего современного мира. Их следствием является европейская бесчувственность, с которой мы воспринимаем преступления массового уничтожения, равнодушие в отношении войн, развязанных на «европейской обочине» – на Балканах – или на других континентах. Это мир после Освенцима, после Холокоста и сталинских камер пыток.

Массовый терроризм и массовый геноцид в истории последних шестидесяти лет человечества претерпели огромное ускорение – хотим мы это признать или нет – будучи вдохновленными сталинизмом, нацизмом, а в некоторых случаях и итальянским фашизмом (например, жестокость агрессии в Эфиопии).

Научные исследования обнаруживают, что трагедия Холокоста имела огромное влияние на усиление борьбы с антисемитизмом и расизмом. Но в то же время есть целый огромный кусок Европы, где уничтожение евреев ничуть не остановило государственный антисемитизм. В Советском Союзе 1948-1953 гг., как представляется, оно даже подпитывало юдофобию Сталина, удаление сограждан еврейского происхождения из государственного и партийного аппарата и, наконец, убийства по суду и без суда (дело Еврейского антифашистского комитета, дело врачей). Мы еще немного знаем о тщательно скрываемых до сих пор погромах в провинции, которые происходили в последние годы правления Сталина¹¹. Погром в Кельце и другие погромы в Польше сразу же после войны были прежде всего следствием времен гитлеризма, убеждения, что еврей является существом П2002.945 гг. - Ковчегния. оды е годы омах в провинцииго антифашистского комитета Сталина, удаление сограждан еврейского происхождения низшего разряда¹².

Те евреи, которые пережили Холокост в странах Восточной Европы и не покинули ее, пытались, за исключением немногочисленных групп, полностью стереть свою прежнюю идентичность, ассимилироваться любой ценой. Им это не было дано. Подлая политика имперской Москвы Сталина и его наследников под прикрытием лозунгов о равноправии наций подогривала антисемитские предубеждения в Польше и Венгрии, вражду между румынами и венграми, чехами и словаками. Вождь и его команда копировали не один образец колониальных завоеваний России Романовых.

Взрывы национальной и расовой ненависти на территории прежнего государства «ста народов», чеченские войны, войны между бывшими республиками СССР своими корнями уходят

¹¹ Костырченко Г. В. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм* // Международные отношения. – Москва, 2001; Альтман И. А. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941-1945 гг.* – Москва: Ковчег, 2002.

¹² Ср.: P. Machcewicz, K. Persak (red.), *Wokół Jedwabnego*, Instytut Pamięci Narodowej, Warszawa 2002, t. 1-2.

во времена Николая II и Сталина, методы этой борьбы заложены глубоко в структурах и примерах эпохи широко понимаемого сталинизма.

Широко понимаемый сталинизм – понятие, включающее не только 1922-1953 гг. или 1956 г., это период, длившийся вплоть до перестройки. Когда мы в наши дни наблюдаем реалии главного государства, которое пришло на смену СССР, трудно не констатировать, что оно еще во многом является памятником Ленину и Сталину, начиная от каменных символов и названий и кончая значением «силовых ведомств» и их местом в попытках создания демократического государства.

К несомненному наследию тоталитарного двадцатого века принадлежит буйное размножение в Европе популистских движений, которые пользуются эгалитарной и полной социальной притязательности фразеологией, являвшейся фасадом как советского строя, так и нацизма и итальянского фашизма.

Сталинизм и нацизм были системами, по сути своей криминальными: Третий Рейх как государство чрезвычайного положения и СССР как Архипелаг Гулаг превратили беззаконие и насилие в норму жизни, применяемую миллионами людей в отношении миллионов людей.

Сведения о преступлениях геноцида Третьего Рейха достигали массового сознания быстрее и шире, чем в случае сталинского СССР¹³. СССР, окруженный труднопроницаемыми границами, хранящий свои тайны на огромных пространствах, не давал – а в некоторых случаях не дает до сих пор – доступа к правде о своей трагической действительности. Пропагандистский аппарат на службе СССР представлял собой огромный барьер, отделявший мир от правды. Особым Nimbus таинственности был окружен сам Сталин. Лишь новейшие публикации о нем – за и против – позволяют нам воспроизвести преступную ментальность человека, который

¹³ Из последних публикаций особенно много размышлений и библиографических указаний содержит следующая: N. Frei, *Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*, C. H. Beck, München 1996.

на протяжении около тридцати лет был абсолютным властителем самого большого государства в мире. Как распространитель государственного террора, он был несомненным продолжателем Ленина. Но основатель советского государства укреплял органы насилия этого государства, вдохновлял и одобрял акты террора, а его преемник пошел дальше: он сознательно придал им характер всеохватных преступных организаций. Потрясают описания Сталина, лично следящего за каждой мелочью процессов и казни старых большевиков и командиров Красной Армии. Недавно обнародованное сопоставление материалов дела об убийстве актера Самуила Михоэлса с записью телефонного разговора отца, сделанной дочерью Сталина Светланой Аллилуевой, вызывает сравнение с Гитлером, любующимся снятыми на кинокамеру сценами убийства участников заговора 20 июля 1944 года¹⁴. Садист Гитлер наблюдал казнь своих истинных противников, садист Сталин – воображаемых или потенциальных врагов. Не столько тех, кто поднял на него оружие, сколько тех, кто, по его мнению, мог его поднять.

Диктаторы и системы

В трех европейских тоталитарных державах роль диктатора, формирующего их внутреннюю и внешнюю политику, была огромна. Наши знания о биографиях и месте Муссолини и Гитлера в созданных ими системах уже десятки лет являются точными и подробными. Очередные биографы обогащают их новыми интерпретациями и подробностями или расширяют фон событий. В случае же Сталина до солидных работ типа Ренцо Де Феличе о Муссолини или Яна Кершоу о Гитлере еще далеко. Тем не менее, многие книги уже принципиально меняют стереотипы кремлевского параноидального гения зла. Работы разных авторов показывают, как глубоко Сталин был проникнут ментальностью воспитанника отдаленной пра-

¹⁴ Ср.: Костырченко Г. В. *Дело Михоэлса* // Лэхаим. – Москва. – X 2003. – № 10 (138). – С. 39 и след.

вославленной семинарии на границе Европы и Азии, как точно было замечание Бухарина, брошенное незадолго до его ареста и казни, что это «Чингисхан с телефоном», наследник азиатских тиранов и убийц, отличающийся своим мышлением и методами от многих «европейских большевиков», выходцев из интеллигентных семей Петербурга, Москвы, Киева и Одессы.

Невозможно также пройти без комментария мимо различных публикаций о том, что одним из мотивов уничтожения Сталиным старой большевистской гвардии было желание стереть неясные или даже черные страницы его прошлого, известные в кругу семьи и старых товарищей по борьбе¹⁵. Утверждение о том, что он был агентом охраны, представляется поспешным, но то, что имел связи с агентами охраны, очень правдоподобно. Чему они служили? Целям личной карьеры в партии и отодвижения в сторону соперников? Или, как этого хочет его вернейший товарищ Вячеслав Молотов, Сталин лишь выполнял партийное задание¹⁶? Одно уже представляется верным: Сталин имел связь с царской охранкой не только как заключенный или ссыльный. Его жестокость, грубость, хамство в человеческих отношениях, легкость в завязывании контактов с уголовными элементами в Грузии и в ссылке, тщательно маскируемые после 1922 года, не были никакой тайной для знавших его ранее. Но ценившие его организаторские таланты и логику в получении и укреплении власти интеллигенты вроде Рыкова, Бухарина, Каменева, Зиновьева или Орджоникидзе не учитывали того, что эта грубость и жестокость повернется по очереди против всех их самих.

Троцкий до определенного времени просто недооценивал Сталина как «выдающуюся посредственность», а потом было

¹⁵ Ср., в частности: Волков В. *Взлет и падение Сталина*. – Москва: Спектр, 1992; Фельштинский Ю. Г. *Был ли Сталин агентом охраны: Сборник статей, материалов и документов*. – Москва: Терра, 1999; R. Brackman, *The Secret File of Joseph Stalin*, Frank Cass Publishers, London 2001.

¹⁶ Ср.: Чуев Ф. *Молотов. Полудержавный властелин*. – Москва: Олма Пресс, 2000.

поздно, чтобы его победить. Нельзя отказать в проницательности в оценке Сталина диктаторам-конкурентам, которые видели в нем с 1930-х гг. воплощение «национального большевизма», человека, который перекроет «жидокоммуну» (Гитлер), человека, который, распустив в середине тридцатых годов Общество старых большевиков, дал сигнал конца большевизма (Муссолини)¹⁷.

Тем не менее, различные публикации последних лет открывают нам и другие черты кремлевского диктатора. Например, исследование его разнообразных читательских интересов: десятки или сотни книг, испещренных его замечаниями на полях, насчитывающие тысячи публикаций библиотеки, составлявшиеся в Кремле и на его дачах, систематизируемые и каталогизируемые по его указаниям¹⁸.

Из перспективы пятидесяти с лишним лет после смерти Сталина мы можем утверждать, что книги Дмитрия Волкогонова и Эдварда Радзинского являются очередным, но не последним словом русской биографистики о нем.

Сталину и его команде удалась неслыханная вещь. Приписывая «ленинизму-сталинизму» долгую генеалогию от Великой французской революции до утопического социализма XIX века и марксизма, прибавляя к названиям своих движений, партий и систем прилагательные «коммунистический», «социалистический», «марксистский», они полностью дисквалифицировали эти понятия прежде всего на территории Восточной и Южной Европы, от Балканского полуострова до Одера. Они привели к тому, что понятия «сталинизм», «марксизм», «социализм», «коммунизм» зачастую рассматриваются как равнозначные нацизму. И в этом смысле дает о себе знать из могилы человек, который ставил знак равенства между разными понятиями, – Сталин.

¹⁷ Ср.: *Archivio del Ministero degli Affari Esteri (AMAE)*, Roma, gabinetto 1923-43/R, В. 482. Показателен здесь также рапорт посольства Италии в Москве от 3.IX.1936, присланный после очередных процессов: «si tratta quindi della liquidazione totale del gabinetto politico di Lenin». *Affari Politici, 1931-1945, URSS (1936)*, В. 20.

¹⁸ Илизаров Б. *Тайная жизнь Сталина*. – Москва: Вече, 2002.

Уравнивание нацизма с коммунизмом, однако, отождествляет системы, которые тождественными не были. Начнем со сходств. Здесь обычно называется террор и пропаганда. Структуры аппарата террора и методы деятельности были сходны, можно говорить и о подражании. Не ускорила ли «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. сталинских решений о масштабе «большой чистки»? Как кошмарная шутка звучат рассказы о том, как энкаведешники, врывавшиеся в литовские дома в конце войны, иногда без тени сомнения выкрикивали «открывайте, русское гестапо». Но это факты. Преследование, выселение или уничтожение польского населения в 1939-1941 гг. в немецкой и советской оккупационных зонах имеют значительные сходства. Террор – это не только тюрьмы, лагеря или уничтожение. Это ежедневное наблюдение и контроль по месту работы и по месту жительства, доносы и надзор, принудительные манифестации поддержки режима, экономический террор: труд или безработица. В Третьем Рейхе в течение краткого двенадцатилетнего периода его существования и речи не было (за исключением первых месяцев) о каком бы то ни было массовом сопротивлении. Всеобъемлющий террор продолжался до самого конца. Большая разница между СССР и Третьим Рейхом состояла в том, что активное сопротивление новой, советской власти было в первые годы массовым, а позднее с разной степенью интенсивности массовым стало сопротивление пассивное¹⁹. Среди заключенных Архипелага Гулаг, кроме множества жертв коллективной паранойи вождя и общества, были и сотни тысяч подлинных противников системы.

В СССР после 1956 г., когда террор и надзор ослабли, десятилетиями существовала память о постоянной возможности

¹⁹ О широком масштабе сопротивления красноречиво свидетельствует источник «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталин. О положении в стране (*“Top Secret”: Lubyanka to Stalin. On the State of the Nation (1922-1934)*), The Editorial Board: A. N. Sakharov, G. N. Sevastianov, V. S. Khristoforov, V. K. Vinogradov, T. Vihavainen, M. Kivinen, A. Getty, L. Viola, L. P. Kolodnikova). Это международное издание (Россия, Финляндия, США, Канада) отчасти является соответствием классического уже ныне труда, которым стали *“Meldungen aus dem Reich”*.

безжалостного массового террора, память, которая не утасла еще по сегодняшний день. Память, которая у многих граждан бывшего СССР еще и сегодня явно возвращается при каждом ограничении гражданских свобод. Возвращается и как протест, и как новая волна страха.

Гитлеровский террор был гораздо более предсказуем, чем сталинский. Он был направлен против внутренних врагов Третьего Рейха: против социал-демократов, коммунистов, евреев, цыган и нескольких еще категорий внутригерманских противников. Террор, связанный с агрессией Третьего Рейха, целил уже в целые нации и народности, но его градация была разной: одна в отношении славян, другая в отношении признанных расово высшими англичан или датчан²⁰. Она была предсказуема. Это не меняет факта, что невообразимая жестокость массового уничтожения миллионов евреев, совершенного в Третьем Рейхе в течение едва лишь нескольких десятков месяцев, с применением многоступенчатой промышленной технологии убийства, газовых камер остается явлением уникальным в истории Европы нового времени.

Гитлеровский террор был предсказуем. У его источников стояло одичание толп солдат и ветеранов первой мировой войны. Непредсказуемыми оказались его методы: применение технологий индустриально развитого государства для конвейерного убийства миллионов людей в лагерях смерти и концентрационных лагерях. Сталинский террор использовал уже проверенные методы массовых казней. В гражданскую войну 1918-1922 гг., по официальным данным Генерального штаба, Красная Армия потеряла около миллиона военнослужащих. Методика подсчетов может вызывать у историка множество вопросов, а особенно их точность. А сколько

²⁰ Здесь следует напомнить некоторые идеологические и стратегические предпосылки Гитлера. Незаменима в этом отношении до сих пор книга: J. Henke, *England in Hitlers politischem Kalkül 1935-1939*, Boppard am Rhein 1973. См. также: J.W. Borejsza, *Racisme et antislavisme chez Hitler // La politique nazie d'extermination*, wyd. F. Bédarida, IHTP, Paris 1988, pp. 57-74, J.W. Borejsza, „Śmieszne sto milionów Słowian...” *Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera*, Neriton, Warszawa 2006..

погибло со стороны белых? Тем не менее, сменявшие друг друга волны белого и красного террора создали чувство постоянной угрозы.

Великий «священный поход» против большевиков, против советской России и СССР, начавшийся в 1918 г., продолжался с различной степенью интенсивности и перерывами без малого семьдесят лет²¹. Он создавал и усиливал у граждан России и СССР психоз угрозы, который, отчасти, как представлялось, оправдывал внутренний террор. Западноевропейские правые, начиная с Муссолини и Гитлера, в свою очередь, использовали правду и мифы об угрозе красной революции, красного террора, Коминтерна, Коминформа и их агентов, о священном походе большевиков. Но Муссолини, как мы знаем, пришел к власти уже после «красного двухлетия», а Гитлер – в период, когда его пропаганде способствовал большой экономический кризис, а не реальная угроза со стороны СССР.

Вначале казалось, что ленинский террор также предсказуем. Но в условиях мировой и гражданской войн этот «гражданский диктатор» не командовал ни армией, ни полицией. Он властвовал, но не управлял. Издавал директивы, но не контролировал. Безжалостно боролся с явными врагами или противниками своей партии в лагере русской революции, но не с членами большевистской партии. Непредсказуемость террора с первых лет происходила также из хаоса, своеволия и случайности, с которыми он применялся в различных губерниях, на разных уровнях, в различных ведомствах.

Сущность террора, который ввел Сталин, состояла именно в его непредсказуемости и непредвиденности. Его приписывали «параноидальной личности» «гения зла», как некоторые называли пришельца из Грузии. Многие люди, которые знали его близко, протестуют против такого восприятия Сталина. Врачи уже с 1920-х гг. диагностировали, что он является параноидальной личностью, но в то же время подчеркивали,

²¹ Здесь следовало бы напомнить многие работы, начиная хотя бы с книги: E.P. Trani, D.E. Davis, *The First Cold War. The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. - Soviet Relations*, University of Missouri Press 2000.

что он действует абсолютно целенаправленно, полностью осознает предосудительную нравственную оценку своих действий, находится на грани нормы, но знает, за что отвечает.

По истечении пятидесяти лет после смерти Сталина с полной ответственностью можно сказать, что «вождь мирового пролетариата» и его ближайшее окружение за фасадом миллениаристской идеологии, собранием законов и конституций сформировали структуры правления, которое имело с ними мало общего. Ибо они создали структуры беззакония, мафиозные и гангстерские структуры. Разрыв между словом и делом в сталинском Советском Союзе был даже больше, чем в гитлеровском Третьем Рейхе. Гитлер с 1920-х гг. обещал физическое искоренение евреев и большевиков и господство германской нации, использование газов для уничтожения противников. Сталин до конца жизни говорил о дружбе народов.

На вершине пирамиды террора в СССР стоял человек, главным и зачастую исключительным принципом которого было удержание своей личной власти в тоталитарной державе, в создании которой он участвовал. Он отождествлял СССР с самим собой. Там, где речь шла о личном самосохранении и сохранении его государства, никакие идеологические тормоза большой роли не играли. Похоже было с Гитлером. Он явственно артикулировал презрение к австрийцам и немцам как к нациям, которые оказались недостойны «своего фюрера». Иначе было с Муссолини, который отдавал себе отчет, что народ обвиняет его в своих страданиях и за союз с Гитлером. Дуче говорил о себе: «Я знаю, что меня называют Бенито Квислинг».

Сталин навязал массовому сознанию знак равенства между понятиями «сталинизм», «большевизм», «коммунизм». Но на такого рода упрощения могут согласиться и использовать их в сиюминутных целях лишь политики. По сути большевизм, кроме методов диктатуры и террора (частично заимствованными у бланкистов), содержал в себе эгалитарные и интернационалистские принципы, которым после 1917 г. осталась верна часть российских большевиков и многие их союзники за

рубежами СССР²². Между сталинской «социалистической революцией в отдельно взятой стране» и теориями мировой и перманентной революций, провозглашаемыми его противниками, была существенная разница. Первая концепция предполагала, что глубоко отсталая Россия Романовых будет альфой и омегой для всего коммунистического движения. Москва Сталина не допустила ни к какому партнерству ни красный Мадрид, ни красный Белград, ни красный Пекин.

За теориями же необходимости пролетарской революции на Западе, перманентной революции у российских большевиков до 1917 г., людей, которые много лет провели во Франции, Англии, Австро-Венгрии или Германии, зачастую скрывалось убеждение, что русская революция без участия европейского рабочего класса и европейских социалистических партий будет ущербной, неполноценной, далекой от того, что предполагали марксисты до первой мировой войны²³.

Противники большевиков из крайне правых не без причины называли сталинизм «национал-большевизмом». Сталинизм явственно привел к возврату и расцвету великодержавного русского шовинизма, а полускрыто к возврату национальных и расовых антагонизмов, которые большинство большевиков в первое десятилетие своей власти пыталось глушить и искоренять. Сталинское государство «нового класса» – «номенклатуры» – имело немного общего с утопическими видениями социалистов до первой мировой войны.

Чудовищная мельница тоталитарной действительности, которую создали большевики, перемолола идеи и людей. Что-

²² Об отношении Ленина к правам наций и народностей, населявших прежнюю империю Романовых, а также его своеобразном культе «инородцев» много говорит изданная в 1999 г. в Москве книга: В. И. Ленин. *Неизвестные документы 1891-1922 гг.*

²³ Ср.: P. Melograni, *Il mito della rivoluzione mondiale. Lenin tra ideologia e ragion di Stato 1917-1920*, Laterza, Roma-Bari 1985; P. Broué, *Rakovsky ou la Révolution dans tous les pays*, Fayard, 1996; Роговин В. *Мировая революция и мировая война*. – Москва, 1998; Шишкин В. *Становление внешней политики после-революционной России (1917-1930 годы) и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал-большевизму»*. – Санкт-Петербург, 2002.

бы удержать власть, большинство большевиков принимало участие во введении массового террора, который позже по очереди лишил их жизни. Жертвами сталинского террора пали те, которые участвовали в создании этого террора: Троцкий, Зиновьев, Тухачевский и тысячи других. Вчерашние палачи стали жертвами. После «Большой чистки» в аппарате власти остались одни сталинцы (независимо от того, как они пришли к сталинизму – наиболее бросающимся в глаза примером остается бывший меньшевик, прославленный Андрей Вышинский).

Сталинизм трудно назвать движением. Люди Сталина были отобраны из существовавшего уже большевистского аппарата власти. А позднее были втянуты в условия бесконечной ротации, призыва, отбора и физического уничтожения очередных волн сталинцев. Их взгляды, способности или действенность не являлись основным критерием для Сталина. Со способностями и действенностью аппарата, с некоторыми рациональными предпосылками политики и экономики намного более считался претендовавший на наследование власти от Сталина Лаврентий Берия. Почти никто в СССР не отважился выступить с собственными идеологическими рассуждениями. Равнение было простым: идеология равна партии, а партия равна Сталину. Лишь «вождь мирового пролетариата» мог решать, какие теоретические предпосылки должны лежать в основе режима. Итальянский плюрализм, в котором Муссолини и Джованни Джентиле вместе создавали статью о фашизме для энциклопедии, здесь был немислим. В отличие от фашистской Италии или гитлеровской Германии, террор был направлен против аппарата полиции и разведки, кадры которых время от времени «ликвидировались» физически или на много лет отправлялись в тюрьмы и лагеря.

Гитлеровский аппарат репрессий был в продолжение всего существования режима в стабильно привилегированном положении. Способные люди, желавшие служить в разных областях режиму, могли рассчитывать на поддержку.

Через год после смерти Ленина Сталин господствовал уже над всем «новым классом». В 1928 г. Николай Бухарин

осмелился в полемике громко назвать его «мелким восточным деспотом». Семь-восемь лет спустя, еще на свободе, он будет пытаться спастись от уничтожения, используя самые страшные обвинения в адрес расстрелянных Каменева и Зиновьева. Возникла огромная камера пыток для граждан нового государства и тысяч иностранцев, наивно и фанатично верящих в новую утопию, – людей, которые часто попадали в сети Коминтерна и советской разведки, в сети не «мелкого», а огромного и страшного азиатского деспота. Дела сталинских процессов – это бесконечный ряд фальсификаций, абсурдных и параноидальных обвинений и самооговоров измученных пытками людей. Мир в то время в ошеломлении смотрел на известных революционеров, приписывающих себе самые отвратительные преступления. Частые ссылки историков на последние слова людей, доставляемых из тюрьмы последним путем на процесс или казнь, с чем мы еще встречаемся во многих новейших публикациях, представляется процедурой, не особенно способствующей установлению научной истины. Действительно ли тысячи, сотни тысяч людей, которые пережили сталинские чистки, поддерживали сталинизм лишь из страха перед «большим террором»? Нет, не только. Здесь мы возвращаемся к проблеме новой утопии, новой религии, догм новой веры, еретичества и инквизиции – явлений, которые гораздо сильнее присутствовали в большевизме и сталинизме, чем в нацизме и итальянском фашизме.

Непредсказуемость сталинского террора при жизни диктатора была непосредственно связана с чертами его характера. Но этот террор сохранился и при его наследниках – но был, однако, в общем-то предсказуем. Сталинизм при Сталине и без Сталина в более мягком виде пережил целые десятилетия. Он не был созданием одного человека. Это была целая система. Что от нее осталось? Она выросла непосредственно на почве большевизма 1917-1922 гг., из многовековой традиции царской России, из традиций азиатских деспотизмов, из систем верований и ценностей отсталого крестьянства империи Романовых,

которое стало базой сталинской номенклатуры, навязывая свой стиль общественным классам старой России.

Мы знаем, какими были и каковы теперь Россия, Белоруссия и Украина после Сталина. Видим их в краткой исторической перспективе. Картину прошлого дополнительно заслоняет там факт свержения тоталитарного строя изнутри. Итальянцы, существенным образом участвуя в свержении режима Муссолини, – под огромным давлением стран-участниц антигитлеровской коалиции, уже находящихся на территории Италии, – тоже не сразу открыли картину реальной массовой поддержки свергнутой системы, и не только его преступлений, но и некоторых достижений. Общества, более семидесяти лет проведенные в оковах советской системы, неохотно признают свою вину до конца. Они скрывают картину собственных действий, биографии своих отцов и дедов – собственную индивидуальную и коллективную вину. Отсюда неполный доступ к архивам бывшего СССР, отсюда также частое избегание, приглушение и прикрывание «величием» или национальной «гордостью» публичных дискуссий о прошлом и напоминание, что Сталин и советские люди создали мировую державу и поставили на колени гитлеровскую Германию, возвращение к великорусским стереотипам и схемам.

Сталинизм оказался возможным без Сталина, итальянские фашисты, в 1943 г. свергая Муссолини, имели альтернативы его единовластия, которых им не удалось реализовать. О том, возможен ли бы был гитлеризм без Гитлера, история умалчивает.

«Тоталитарные религии» и расчеты

Идеология в советской системе играла разнообразную роль, несравнимо более важную, чем в итальянском фашизме или нацизме. Несмотря на то, что трудно было бы отрицать ее связь с тезисами «Коммунистического манифеста», «Гражданской войны во Франции» или «Капитала», это была бы лишь связь, исходные точки, но не идентичность. В своих *Main Currents of Marxism* Лешек Колаковски в понятие марксизма зачастую

просто включает изменчивые теории большевиков, Ленина, сталинского СССР, теоретиков Коминтерна. До конца ли обоснованно?

Идеология была в СССР полем непрекращающихся псевдо-теоретических и равнозначных сиюминутной пропаганде манипуляций. Каждое слово Сталина, каждый исторический фальсификат вкупе с вершинным достижением фальсификации, которым являлся «Краткий курс истории ВКП(б)», подавался как марксистская идеология. Т. н. «идеология» легитимизировала всякую ежедневную, изменчивую практику Сталина.

Марксизм-ленинизм стал явным субститутотом религии. Ленин и Сталин в сталинском СССР стали непогрешимы. Слово «Сталин» было равнозначно слову «партия». Партия тоже никогда не ошибалась. И в то же время была сведена к роли многомиллионной безвольной массы, в которой не смела родиться никакая ересь. Чудовищные и абсурдные сталинские процессы должны были разорвать все внутривнутрипартийные связи, все попытки самостоятельного мышления. Общие тиражи произведений Сталина в СССР составляли более 672 миллионов экземпляров (данные 1953 г.), Ленина – 483 млн. (данные 1975 г.), Маркса и Энгельса – 108 млн. (данные 1975 г.)²⁴.

Для сравнения: тираж «Майн кампф» Гитлера на всех языках вместе достиг около 10 млн. экземпляров²⁵.

Но невозможно было сравнить продолжавшееся десятилетия вбивание в головы сотен миллионов людей «Краткого курса истории ВКП(б)» – во всех вузах, во всех (не только партийных) организациях СССР – и невысокую читаемость в Германии книг Гитлера или Альфреда Розенберга.

Так же, как размеры, разнообразие и продолжительность советской пропаганды переросли всю фашистскую и нацистскую пропаганду, массовый, «оптовый» сталинский террор

²⁴ Ср.: Торчинов В. А., Леонтьев А. М. *Вокруг Сталина. Историко-биографический словарь*. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 22-23.

²⁵ W. Benz, H. Graml, H. Weiss (Hrsg.), *Enzyklopädie des Nationalsozialismus*, DTV, München 1997, s. 581.

против воображаемых, потенциальных, а порой и действительных еретиков на протяжении немногих десятилетий целиком заслонил память о действующей много столетий «розничной» инквизиции *Sanctum Officium*.

Своеобразную логику подозрений Сталина, состоящую в том, что каждый мыслящий член партии представляет собой потенциальную опасность, подтверждает случай ведущего сталинца Петра Пospelова. Это он был одним из авторов «Краткого курса истории ВКП(б)» и официальной биографии Сталина. Потом он писал для Хрущева доклад о культе личности (1956). А в 1968 г. во имя «пролетарского интернационализма» протестовал против вторжения Советской Армии в Чехословакию. Когда террор слабел, начинал мыслить.

Идеология, называемая марксизмом, а потом марксизмом-ленинизмом или ленинизмом-сталинизмом, имела глубокие корни в прошлом. Законно и незаконно привязывалась к столетия назад возникшей утопии, к утопии эгалитарного, бесклассового, справедливого общества, к лозунгам о свободе и равенстве, к антикапиталистическим лозунгам. Дьердь Лукач, много переживший марксист, с догматическим упорством привык до конца жизни повторять, что «самый плохой социализм лучше, чем самый замечательный капитализм»²⁶.

Верой в страшную цену, которую необходимо заплатить в страшном мире за «лучшее завтра», можно объяснить верность многих бывших заключенных сталинских лагерей идеям, которые еще до 1917 г. или сразу после революции привели их в ряды большевиков. Сами несущие ответственность за насилие и террор, они не хотели и не сумели понять, что служили тоталитарной системе, бывшей антиподом «утопии счастья». Прав Анджей Валицки в своей книге *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia*, когда он пишет, что тоталитаризм бесспорно не был

²⁶ Потрясающим пособием по такой непоколебимой вере являются «Беседы на Лубянке», протоколы ареста и допроса Лукача в 1941 г., изданные небольшим тиражом в Москве (изд. 2-е, дополненное) в 2001 г. под эгидой Российской академии наук.

неизбежным последствием марксизма. За победителями 1917 г., казалось, стояла долгая традиция политической мысли, которой не могли похвастать ни итальянский фашизм, ни немецкий национал-социализм.

Под туманное видение бесклассового общества в марксистской утопии подкладывались разные содержания. Восхищение части левых октябрьской революцией 1917 г. было связано с верой в социалистические утопии XIX века. После страшного потрясения первой мировой войны, которая продемонстрировала жестокость всеобщей войны и призрак массового уничтожения, начались поиски новой веры. Россия была далеко. Она была отгорожена расстоянием и пропагандой от западного мира. Западноевропейский мир культуры и науки мог из своего далека восхищаться прекрасными лозунгами равенства и братства народов. Лишь восстанавливая лозунги и исторический климат первой половины XX века, можно понять, почему так много европейских писателей, художников и ученых поддержало СССР и так мало Третий Рейх. Напомним еще раз, что до середины 1930-х годов силу привлекательности иного рода не только для европейских крайне правых имели лозунги итальянского фашизма: классовое согласие (корпорации и синдикаты), согласие Государства и Церкви, ликвидация безработицы.

Очарованность сталинизмом или итальянским фашизмом зачастую была результатом умелой пропаганды этих систем и незнания их сути. Мотивация была разнообразной: СССР предстал как реализация равноправия наций и рас, страна, борющаяся с колониализмом, страна, которой белые правили вместе с людьми другого цвета кожи, русские с евреями. Когда появился Гитлер с его Третьим Рейхом, для евреев, даже не веривших в коммунизм, выбор из альтернативы Гитлер-Сталин был прост. Исаак Дойчер, при всей критике сталинизма и его антисемитской политики, однако, заметил, что нельзя забывать, что в сталинском СССР эвакуация миллионов евреев на Восток спасла их от гибели.

Не только страх. Заблуждения масс и утопии сопровождали Сталина до конца жизни. Миллионы красноармейцев, от рядовых до маршалов, возвращаясь с войны, верили, что собственными жертвами и победой над Гитлером заслужили, чтобы времена «Большой чистки» не вернулись, чтобы жизнь сложилась иначе. Об этом свидетельствуют тома публикуемых ныне в России документов. Автократ Сталин вероятно не изучал Токвиля, но как практик знал, что какая бы то ни было либерализация является смертельной опасностью для такого рода систем. Открытие границ даже из-за войны, столкновение с иностранной действительностью он считал огромной опасностью. Тот, кто увидел Запад, «заграницу», автоматически попадал под подозрение.

Большевизм и особенно сталинизм произвели полное и коренное изменение отношений собственности на селе и в городе. Они изменили экономическую и социальную структуру огромной страны. Они ликвидировали не только класс капиталистов, но даже мелких собственников. Сталинизм применял здесь массовую физическую ликвидацию. Произвел всеобщую нивелировку материальных различий, внедрил своеобразное равенство в бедности, а в некоторые периоды и во всеобщей нищете. Материальные привилегии советской номенклатуры – «нового класса» – были непродолжительными и зачастую ненаследуемыми. Третий Рейх и Италия Муссолини сохранили капиталистические отношения собственности. Не будем забывать об этой функции ленинизма-сталинизма как антикапиталистической утопии.

Итальянский фашизм добился согласия с Ватиканом. Антихристианский национал-социализм признавал существование евангелической и католической Церкви. Большевизм был воинственно антирелигиозен. «Марксистско-ленинская вера» заменяла все религии. Словосочетание «тоталитарные религии» без кавычек зачастую вызывает протест в Польше – и не только у верующих. Великие религии напоминают скорее цивилизации, прочные культурные системы, а не идеологии и связанные с ними структуры временно существующих

тоталитарных режимов. Тем не менее, уже семьдесят лет назад Бенедетто Кроче называл коммунизм верой или религией без кавычек, видя в нем явление, имеющее многовековые идеологические корни.

Определения «авторитарные религии» или «тоталитарные религии» функционировали еще до 1939 г.²⁷ О тоталитарных идеологиях или системах как «новых религиях» или «новых церквях» размышляли Мирча Элиаде и Реймон Арон.

Следует вспомнить собственные определения итальянских фашистов, которые говорили о фашизме как о «новой религии». Адольф Гитлер, в свою очередь, в августе 1933 г. в кругу своих ближайших сподвижников выразился однозначно: «Мы сами будем церковью». Исследователи оперируют сегодня понятиями «антирелигии», «политические религии» или «государственные религии». Нацизм и большевизм (в отличие от итальянского фашизма) дополнительно сблизило господство партии над государственным аппаратом.

Ульрих Херберт в сборнике *Nazismo, fascismo, comunismo* под редакцией Марчелло Флореса не без оснований подчеркивает, что в структуре обоих режимов: национал-социализма и сталинизма – можно найти больше отличий, чем подобия (*parallelismi*)²⁸. Многие историки (в частности, Ян Кершоу и Моше Левин) замечают, что Сталин был продуктом системы, а Гитлер – его инкарнацией²⁹. Ученые обращают внимание на неспособность национал-социализма к репродукции без Гитлера и на продолжение или частичную репродукцию советской системы после смерти Сталина.

Лишь из долгой временной перспективы мы извлекаем стоящую на первом плане общую черту нацизма и советской системы, встроенную в нее склонность к самоуничтожению (*a*

²⁷ Ср.: H. Maier (Hrsg.), *“Totalitarismus” und “Politische Religionen”*. *Konzepte des Diktaturvergleichs*, F. Schönigh, Paderborn 1996; E. Gentile, *Le religioni della politica*, Laterza, Roma-Bari 2001.

²⁸ *Nazismo, fascismo, comunismo. Totalitarismi a confronto*, Edizioni Mondadori, Milano 1998.

²⁹ I. Kershaw, M. Lewin (eds.), *Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison*, Cambridge University Press, Cambridge 1997.

common element of inherent selfdestructiveness). Этого элемента вплоть до 1980-х гг. недооценили футурологи, не предвидя, что СССР обречен на такой быстрый развал.

Анри Руссо и Кшиштоф Помян в книге *Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparées* пишут, что оба режима были революционны, оба футуроцентричны, оба были крайней реакцией на современную демократию³⁰. Тем не менее, как недавно установил Помян, ослепление антифашизмом или антикоммунизмом не способствует пониманию политической современности Европы, в которой Альгирдас Бразаускас, бывший секретарь Коммунистической партии Литвы, был очень популярным президентом демократизирующейся Литвы, а генерал Ярузельски в исследованиях популярности в польском общественном мнении недавно опережал Леха Валенсу. Помян пишет: «Мы имеем здесь дело с фактами, которых одна идея «коммунистического режима» как неизменно тоталитарного не в состоянии объяснить, но которые в определенной перспективе становятся понятны (...)»³¹.

Террор и пропаганда явно сближали два «полных тоталитаризма»: нацизм и сталинизм – и один «неполный» – итальянский фашизм. По многим параметрам была похожей техника осуществления власти. Отличала же их техника получения власти.

Явлением, которое их сближало, была активная, действенная поддержка широкими массами системы, продолжавшаяся на протяжении 12 лет Третьего Рейха или до 1940-1941 гг. в Италии, но которая явно слабела в течение долгого семидесятилетия советской власти.

На территории бывшего СССР осталась тоска по сильной, авторитарной власти, желание сохранения многих из прежних социальных достижений и стандартов, как бы минимальны ни казались они из перспективы Западной Европы. Новое классовое расслоение, которое произошло вместе с возникновением

³⁰ *Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparées*, Sous la direction de Henri Rouso. Editions Complexe, Bruxelles 1999.

³¹ *Ibidem*, s. 382.

неокапитализма после упадка империи, появление больших зон нищеты, о которой уже забыли в последнее тридцатилетие СССР, привело к тому, что ностальгия по прошлому в России или на Украине явно ощутима. Осталось всеобщее нежелание сводить счеты с прошлым. Это первое десятилетие на постсоветском пространстве не является фазой чисток, как в Германии. В довольно распространенном измерении (подчеркиваю: в довольно распространенном измерении, а не в элитарных или широких кругах лиц из репрессированных семей) это зачастую позиция сталкивания воспоминаний в подсознание, желание закрыть вопросы, являющиеся собственными, домашними, до которых не должно быть дела иностранцам. Но ведь террор коммунистической системы в СССР охватывал и миллионы тех, кто не был его гражданами. Многие явления свидетельствуют о том, что в Российской Федерации, вероятно, можно говорить о довольно массовом отрицании собственной совместной ответственности за прошлое.

По-разному выглядят расчеты там, где происходило массовое участие в создании тоталитарной системы, и там, где она была преимущественно навязана или куда даже принесена на штыках тоталитарного государства. Как в России, так и в посткоммунистических странах Восточной и Центральной Европы последнее десятилетие принесло сотни ценных документальных публикаций. Но доступ к архивам в этих странах несравнимо более широкий, чем в Российской Федерации. Так же, как и бóльшая идеализация довоенного прошлого в странах, которые освободились от диктата Москвы. Такая идеализация и политизация еще на протяжении некоторого времени будет затемнять воссоздание образа прошлого. Как подчеркивает польский юрист Владыслав Кулеша, это повсюду ведет к ошибочному восприятию понятия авторитаризма. Кулеша обращает внимание на то, что в дефинициях авторитаризма подчеркивается его антипарламентарный системный компонент, но забывается идеологический аспект. Однако если мы оперируем понятием авторитаризма без всяких дополнений, то в результате получаем, например, авторитарную Польшу

Юзефа Пилсудского, а затем авторитарную Польшу Владыслава Гомулки, что становится полным недоразумением³².

Добавим, что авторитарная Польша Пилсудского ныне повсеместно подвергается операции исторической идеализации, а авторитарная Польша Гомулки – огульному осуждению, являющемуся производной антикоммунизма. О том, как велико сознательное или подсознательное давление на историческую науку, может свидетельствовать факт, что в одном из лучших учебников по истории Польши 1939-1989 гг. Анджея Пачковского первая глава «О политике оккупантов» касается СССР, а лишь одна из следующих рассказывает об оккупационной политике Третьего Рейха. Это род исторического реагирования на фальсификацию новейшей истории в течение 45 лет Народной Польши. Но такое давление политизации мы видим и в других историографиях, например, в попытках пересмотра ответственности за 22 июня 1941 г. в представлении нападения Третьего Рейха на СССР как превентивной войны, с полным замалчиванием «великого священного антибольшевистского похода», начатого демократическими государствами в 1918 г. Забывается влияние самого факта существования СССР на развитие социальных достижений обществ Западной Европы. В рамках этого «священного похода» помещалась и поддержка авторитарных государств в Центральной и Восточной Европе.

Историки не являются и не могут быть судьями. Они устанавливают факты. Имеют право на собственные нравственные оценки, но не в отрыве от суммы фактов. Как хорошо написал Майкл Столлес в изданном совместно с Норбертом Фраем и Дирком ван Лааком сборнике *Geschichte vor Gericht*, для историка его правда «никогда не заканчивается и подвергается

³² См.: J.W. Borejsza, *Kilka uwag o autorytaryzmach i totalitaryzmach // Państwo. Modernizacja. Studia ofiarowane Januszowi Żarnowskiemu*, IH PAN, Warszawa 2002, ss. 35-45. См. также немецкое дополненное издание классического источника: J.J. Linz, *Totalitäre und autoritäre Regime*, Wissenschaftsverlag, Berlin 2000; кроме того: Ph. Burrin, *Fascisme, nazisme, autoritarisme*, Editions du Seuil, Saint-Amand 2000.

постоянной верификации»³³. Историки защищаются от давления изменчивых идеологий. Историки, занимающиеся теориями тоталитаризма, знают, что отправной точкой отношения к тоталитаризму и его оценки является «свободная демократия». Было бы, впрочем, банально еще раз напоминать, что она, далекая, в свою очередь, от совершенства, стала образцом по причине отсутствия лучшего.

История Европы знает несколько стран, в которых авторитарная или парафашистская капиталистическая система была заменена подобной системой советского типа, опиравшейся на штыки Красной Армии без значительной поддержки местного населения (Венгрия, ГДР) или при некоторой отечественной поддержке (Болгария, Чехословакия, Румыния). Мы знаем также пример почти цепного перехода от собственной авторитарной системы (Югославия) к авторитарной (Сербия) и паранацистской (Хорватия) системе под немецким и итальянским протекторатом, а позднее к созданию собственной тоталитарной системы при активном участии многонациональных масс (Югославия Иосипа Тито). А после развала Югославии в 1990-е гг. произошло формирование следующих авторитарных и тоталитарных систем на ее территории. И данные процессы не закончились.

Можно задать справедливый вопрос о том, существуют ли нации, имеющие особую предрасположенность к авторитарным и тоталитарным системам. Ответ на этот вопрос должен быть положительным. Это обычно нации, лишённые традиции парламентской демократии, традиции свободы вероисповедания и совести, традиции устойчивых механизмов государственного контроля. Это также нации, в которых жизнь личности подавлена государственным аппаратом или церковной иерархией. Тоталитарной вере зачастую на этих же территориях предшествует развитая религиозная вера, подготавливающая почву для организации массового психоза, всеобщей истерии, зрелищ коллективной ненависти. Это –

³³ *Geschichte vor Gericht*, С. Н. Beck, München 2000, s. 179.

ключевая вещь для понимания явления – народы с развитым национализмом, зачастую находящиеся в завершающей стадии формирования современной нации. Часть названных выше предпосылок уже достаточна для развития разнообразных движений и режимов тоталитарного типа. Двадцатый век ввел в политику толпы, массы, целые новые континенты. Позиция миллионов людей стала играть решающую роль в становлении государственного строя и международных отношений.

Опыт Германии в эпоху Третьего Рейха, общества с развитой экономикой и техникой, с долгой цивилизационной традицией, с сильными элементами парламентской демократии содержит предостережение: массовый геноцид может стать уделом не только отсталых обществ Третьего мира или Южной Европы без традиций парламентской демократии, но также наиболее цивилизованных наций.

Новые угрозы создала технологическая революция, власть отдельных лиц над оружием массового уничтожения. Рядом с войной и террором тоталитарных государств на пороге XXI века выросла новая угроза – индивидуальный террор во имя «тоталитарных религий», прибегающий к средствам массового уничтожения.